

КСЕНИЯ ТРАЧУК

ЦИФРОВАЯ ДОЛИНА

16+

Ксения Трачук
Цифровая долина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Трачук К.

Цифровая долина / К. Трачук — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-4491-0619-3

Иногда судьба ставит перед неоднозначным выбором. Комфортная Калифорния или родная Москва? Верность долгу или верность себе? А если так: любимый мужчина - или ребёнок? Переехав с мужем в Мекку гиков и фриков - Кремниевую долину, интеллигентная москвичка Ирэна кардинально переосмысливает свою жизнь. Новая встреча, свежий старт - ей выпал уникальный шанс переписать всё с белого листа. Эта пронзительная, как будто автобиографическая история перенесёт вас на другой континент, где далеко не всё оказывается просто и понятно. От автора: "Немногие пишут про жизнь вне России - такую, как она есть и какой она может быть. Проблемы адаптации, разница культур, смешанные браки - явления уже привычные, что делает их не менее сложными и интересными. Поиск своего предназначения, смысла собственной жизни в огромном взаимосвязанном мире - вызов не только для героини романа, но и для целого поколения".

ISBN 978-5-4491-0619-3

© Трачук К., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая. Калифорния	6
Глава первая. Идеальный муж	6
Глава вторая. Здравствуй, грусть	11
Глава третья. Защитник	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ксения Трачук

Цифровая долина

Одной московской ночью мне приснился сон, который постепенно, строка за строкой, превратился в книгу. Поставив точку, с уверенностью могу сказать, что все возможные и невозможные совпадения с действительностью – будь то сюжет или имена героев – случайны и эфемерны, как любое сновидение. По-настоящему правдивы лишь ценности и устремления моей героини.

Эта книга посвящается моему мужу, озарившему мою жизнь любовью и поддержкой, а также нашим детям – Коле, Але и Пете.

Часть первая. Калифорния

Глава первая. Идеальный муж

Сейчас середина октября. Но здесь, в Калифорнии, сезонов как будто нет – то ли весна, то ли лето: тепло, солнечно, буйство зелени, едва тронутой осенними красками. Мы с Полом приехали на коктейль к его приятелю, недавно купившему дом в самом центре Кремниевой долины. Место, конечно, неплохое, в десяти минутах ходьбы от Стэнфордского университета. И дом симпатичный, в стиле старинной французской виллы, внутри напичканный модными гаджетами и всякими умными устройствами. Хозяин, Ник, очень гордится своим жилищем: шутка ли, среди соседей сам Марк Цукерберг!

Я слабо разбираюсь в местных знаменитостях. А Ник мне очень нравится. Он человек незаурядный – этакий гражданин мира, знающий всё и обо всём, но не утративший интереса к жизни и прямо-таки юношеской непосредственности. Говорит он на пяти или шести языках, включая русский и иврит, знаком с самыми разными людьми – от таксистов до космонавтов.

Выяснилось, что он эмигрировал из России ещё в начале девяностых, в конце концов осел в Калифорнии и основал собственную IT-компанию. Дети его русским практически не владеют, а он говорит прекрасно и был рад со мной поболтать: о Москве, где остались его родители, о моей жизни в Калифорнии, о Поле. Пола он знает давно, по работе, и не устает нахваливать его юридические таланты.

– Нет, я вам двоим прямо завидую, – говорит Ник, вдруг переходя с русского на английский, чтобы Пол понимал. – Вот так всё бросить! Ради любви. Правильно, только так и надо!

Не успеваем мы перевести разговор на другую тему, как хозяин отправляется встречать новых гостей. И, к моему изумлению, эти гости – русскоговорящая пара средних лет – знакомы не только с ним, но и со мной. Когда Ник собирается нас представить, возникает неловкая пауза. А затем мне задают вполне законный вопрос: «А, Ирина, привет! А где Сергей?»

Сергей – мой муж, с которым я прожила больше двадцати лет. А мой спутник Пол – американец, к которому я ушла от мужа два месяца тому назад. То есть мой любовник.

Зачем оправдываться? Правильнее рассказать всё, как есть. Конечно, в гостях у Ника я ничего объяснять не стала, чем вызвала замешательство гостей и тайное удовольствие хозяина дома, пресыщенного калифорнийскими буднями. А мне в тот момент было не то чтобы стыдно или неловко, нет. Просто казалось, что это не со мной происходит – что я вообще тут делаю, в этой Америке?

В Калифорнию мы с Сергеем приехали два года назад. Муж всегда об этом мечтал – ведь половина его коллег уже давно перебралась в Кремниевую долину. Именно там, а не в Москве, бурлила и кипела его профессиональная жизнь, которая так и осталась для меня, филолога, тайной за семью печатями.

Городок, где мы поселились, был обычным калифорнийским посёлочком, не из богатых, но не из самых убогих. Но мне почему-то там не понравилось. Сразу.

Однообразные, как будто картонные дома, в основном одноэтажные и почему-то серые. Откуда такая любовь к серому? Может быть, из-за того, что в Калифорнии и так всё кругом яркое? Если бы не пальмочки и не прицепы с моторными лодками, да ещё американские флаги там и сям – почти что советские дачи. Никаких следов роскоши я не заметила: подержанные машины у ворот, скромные дворики, иногда небольшие бассейны. Это мама моя думала, что в Калифорнии сплошь виллы да дворцы!

Мы с Сергеем арендовали один такой безликий и, конечно же, серенький домик: две спальни, кухня-гостиная, дворик-закуток. Правда, стоило это в три раза дороже, чем то, что мы получили от сданной в аренду нашей московской квартиры, но Сергей был доволен.

К нашему скромному домику я быстро привыкла. Но меня удручало другое: куда ни соберёшься – всё только на машине, даже за хлебом. Я не против машин, и сама вожу неплохо, но с детства люблю ходить пешком. Но здесь, как и практически везде в сельской Америке, это не принято. То ли из-за культа автомобилей, то ли в силу подозрительности: а вдруг кто-то вызовет полицию? В конце концов мужу пришлось арендовать для меня вторую машину, хотя это, конечно, довольно дорого.

Прогулки – ещё полбеды. А вот с общением совсем плохо. Сергей целый день пропадал на новой работе, а мне оставалось заниматься хозяйством и ходить по магазинам. Кругом все вежливые, улыбчивые и даже рады перекинуться парой слов, но не более.

Время шло, и я всё больше убеждалась: быть бездетной домохозяйкой в американской деревне – не для меня. Но выхода из этого калифорнийского плена не предвиделось.

Муж с самого нашего приезда пребывал в состоянии эйфории. Хвалил местный климат: оказывается, жара ему даже нравится. Радовался удобным парковкам: всегда есть место, и никакой слякоти под ногами. Не жалел чаевые вежливым официантам – на московских он постоянно наезжал за нерасторопность. Даже пересоленная американская еда ему нравилась. Впрочем, я радовалась открывшейся страсти мужа к «тейквэю» – еде на вынос: в Москве я здорово устала от постоянной погони за кулинарными новшествами, которые приходилось воплощать на кухне.

Нет, дело даже не в Калифорнии. При других обстоятельствах, возможно, я пришла бы в восторг от всей этой экзотики. Чего стоило одно только побережье, напоминающее то ли французскую Бретань, то ли Испанию, этот мощный и изменчивый океан, на который можно любоваться часами... Но в тот момент я по достоинству оценить всё это просто не могла.

Мой брак дал трещину, и случилось это ещё в Москве. Но объяснить это в двух словах не получится – придётся вернуться в прошлое.

Наша история с Сергеем начиналась хорошо, и начиналась она на заре девяностых. Тогда, когда у всех на глазах рушилась огромная страна, а вместе с ней и судьбы миллионов людей, я переживала самое большое счастье в своей жизни. Мне было двадцать лет, и я, отличница и образцовая дочь строгих родителей, влюбилась, как это бывает только впервые. Чувство оказалось взаимно, поэтому ни безденежье, ни нехватка одежды и косметики, ни плохое отопление в институте – ничего, абсолютно ничего не могло омрачить нашей идиллии.

Мой избранник казался воплощением всех достоинств: мужественно-красивый, решительный, целеустремлённый, он твёрдо знал, чего хотел в этой жизни и методично добивался своего. Всерьёз увлечённый кибернетикой, он готовился поступать в аспирантуру и не сомневался, что свяжет карьеру с вычислительной техникой: за этой сферой, говорил он, будущее. Мне, студентке Института иностранных языков, до сих пор печатавшей лишь на машинке, казалось невероятным то, про что рассказывал Сергей: гигантские машины размером с актёрский зал, с экраном и клавиатурой, работавшие с перфокартами, да ещё с системой охлаждения водой! На таком вот агрегате он даже написал диплом – по тем временам всё это представлялось какой-то научной фантастикой, ведь даже персональные компьютеры ещё были в диковинку.

Сергей увлекался горными лыжами, ходил в походы, плавал на байдарках, и я, осмеливаясь перечить родителям, устремлялась за ним в самые рискованные поездки. Всё, что интересовало Сергея, интересовало и меня – я готова была разделить с ним любые неудобства и трудности.

Наш роман продолжался почти год, и один важный эпизод решил для меня всё. Я училась на педагогическом факультете Иняза¹, где было всего несколько преподавателей-мужчин. И почему-то с ними у меня, круглой отличницы, возникали проблемы: они ко мне придирались. Особенно усердствовал один лысоватый профессор, явно проявлявший ко мне нежные чувства. Однотрунники подтрунивали надо мной, и мы вместе с Сергеем смеялись, что ко мне клеятся «старые козлы». Всё было бы очень забавно, но я шла на красный диплом, а лысый профессор незаслуженно вlepил мне тройку на экзамене по английской литературе. А когда я осмелилась жаловаться, потребовал, чтобы я ехала пересдавать к нему домой!

Узнав об этом, Сергей как-то прорвался в Иняз, – а сделать это было непросто, – раздобыл адрес профессора и поехал к нему сам. Что там произошло, я узнала только с его слов. Сергей говорил, что встретил моего обидчика у подъезда и выпалил, что он муж такой-то студентки и пришёл с ним разбираться. Бедняга, наверное, чуть не умер от страха, ведь в то время можно было нарваться на целую компанию с битами... В результате всё закончилось хорошо: я пересдала экзамен на пятёрку, а Сергея стала считать настоящим героем.

Мы оба знали, что это не мимолётное увлечение и что мы должны пожениться: казалось, это предначертано с первой встречи. Сергей говорил об этом так, как будто распланировал нашу жизнь на годы вперёд – и это тогда, когда мало кто был уверен хотя бы в завтрашнем дне. Его уверенность передавалась и мне: ведь в свои двадцать лет, красивая, высокая, с почти модельными параметрами, я всё равно была патологически не уверена в себе...

Молодые и влюблённые, мы так верили в наше будущее, что родители волей-неволей смирились с этим скоропалительным браком.

Особенно противились родители Сергея. Моя будущая свекровь – Элеонора Сергеевна, дочь высокопоставленного дипломата, жившая в шикарной квартире на Фрунзенской набережной, – встретила меня в штыки. Какая-то студентка иняза, пусть и отличница, но из самой обычной, по её представлениям, семьи не могла считаться достойной партией для сына. Но Сергей победил и её сопротивление – ведь пять лет назад она уже сдала позиции и согласилась, чтобы он вместо МГИМО поступал в Физтех (или, как говорил сам Сергей, «на Физтех» – Московский физико-технический институт в Долгопрудном).

Меня восхищало, как мой жених умел так твёрдо, но уверенно настаивать на своём, будь то со своими родителями, в институте или в очереди в магазине. Даже наши друзья, как правило, к нему прислушивались и делали то, что он предлагал. И это удавалось ему без лишних слов: говорил он немного, но всегда по делу и очень убедительно. Всегда и везде Сергей стремился выговорить для нас лучшие условия: самые удобные места в плацкарте, последние билеты на киносеанс, желаемую дату для росписи в загсе... Это казалось мне проявлением его по-настоящему мужского характера, и я всё больше убеждалась в правильности своего выбора.

Да и как же иначе! Ведь кругом полно других примеров – совершенно никчёмных, ненадёжных мужчин, не способных взять на себя маломальскую ответственность! Да и многие подружки, ещё не нашедшие своего счастья, очень, очень мне завидовали...

Как только я окончила институт, мы сыграли скромную свадьбу: без теперешних лимузинов и банкетов, но с гулянкой под гитару, платьем, одолженным у подружки, домашними посиделками... В качестве свадебного подарка мои родители купили нам путёвки в Евпаторию, где мы пролежали две недели с кишечной инфекцией. Но даже это не омрачило наше счастье.

На дворе шёл 1993 год, и у нас с Сергеем, как почти у всех обычных людей, были материальные сложности. Муж занимался диссертацией, а у меня, несмотря на хороший английский, никак не получалось устроиться на работу: одна фирма разваливалась, в другой задерживали

¹ Имеется в виду Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза (МГЛУ), в народе «Иняз».

зарплату, а в третьей ещё и начальник начинал приставать. Приходилось бегать по урокам и делать переводы. Из моих мизерных подработок, вкуче со стипендией Сергея, и состоял наш семейный бюджет. Его родители поначалу немного помогали, но потом перестали: у них тоже дела пошли неважно.

Ещё хуже приходилось моим родителям, у которых мы жили, – на Фрунзенскую набережную к Элеоноре Сергеевне нас, конечно же, не пустили. Почти в одночасье из сотрудников НИИ мама с папой превратились в безработных. Помыкавшись то там, то сям, мама в конце концов устроилась учителем физики. Папа, слесарь по специальности, то и дело менял какие-то подозрительные конторы и мотался по всему Подмосковию, чтоб хоть как-то прокормить семью.

А спустя пять лет, в 1998 году, грянул дефолт: деньги вмиг обесценились, цены взлетели, и началась полная неразбериха... Кто-то из друзей уже тогда активно уговаривал переехать в Америку, но мы не хотели: Сергей вот-вот должен был защититься, это главное. Кроме того, здесь наши родители и, конечно, друзья – тогда мы не представляли свою жизнь без поездок на горных лыжах и походов...

О детях мы с Сергеем особо не говорили, но, казалось, это подразумевалось само собой: вот сейчас, ещё немного встанем на ноги, появится свое жильё... Я всегда мечтала о двоих, а втайне даже о троих – ведь мы оба с мужем единственные дети, а мне хотелось большую семью. В то время это была редкость: заводили в лучшем случае одного, да и это считалось подвигом.

Время шло, и наши дела постепенно стали налаживаться. Я устроилась переводчиком и стала получать вполне приличную зарплату, которую уже никто не задерживал. Сергей, защитив диссертацию, получил место в американской компании, под шумок переманившей целую лабораторию НИИ, где он начинал работать ещё в аспирантуре.

Быстро освоившийся в новой фирме, да ещё и неплохо знавший английский – здесь с ним немало поработала я, – Сергей стал быстро продвигаться по службе и вскоре обскакал всех бывших коллег по институту. Платили в долларах, а в конце года начисляли неплохие бонусы. Теперь мы, экономя на всём, начали копить на жильё, ведь ипотечные кредиты в то время были редкостью.

Через каких-то шесть лет, заняв недостающее у родителей мужа и кое-кого из друзей, мы наконец купили долгожданную квартиру. На Ленинском, о котором мечтал Сергей, недалеко от его работы, в хорошем кирпичном доме. До метро приходилось добираться на троллейбусе, но это уже мелочи. Вскоре у нас появилась машина, а со временем купили и вторую.

Правда, оговорюсь: квартиру купили не мы, а Сергей. Его родители настояли, чтобы квартиру оформили на него и она не считалась приобретённой в браке. Я не вникала в тонкости этой процедуры, но они как будто бы сами купили квартиру, а потом подарили её Сергею. Таким образом, в случае развода я не могла бы требовать свою долю. Мои родители возмущались, но я нисколько не переживала: я была так уверена в своём браке, что о разводе даже не думала, считая это абсурдом. Да и получал Сергей гораздо больше меня: деньги на квартиру фактически заработал он.

Хлопоты с обустройством продолжались ещё пару лет: ремонт, покупка мебели, переезд... Это было приятно и волнительно. Я мечтала свить идеальное семейное гнездо и всячески хотела угодить вкусам мужа. Ведь больше десяти лет мы вынуждены были жить с моими родителями и подустали от этой «семейной коммуналки», как говорил Сергей.

К счастью, разногласий по ремонту у нас не возникало. Кроме одного: я сразу хотела маленькую комнату оставить под детскую, но Сергей отверг весёленькие обои с жирафами и сделал там свой кабинет. «Это не страшно, – думала я, – ведь первое время детская кроватка всё равно будет стоять у нас в спальне».

Какое же это было счастье, когда всё закончилось и мы отпраздновали новоселье! Теперь я ждала только одного – чтобы в нашем доме зазвучали шажки детских ножек, и я не сомне-

валась, что о том же мечтал мой муж. Вскоре после переезда мы, тридцатилетние, успешные и довольные жизнью, начали «делать ребёнка».

Это и стало для нас началом конца.

Глава вторая. Здравствуй, грусть

Почему-то подразумевается, что все обязательно хотят детей. Это не так, и я понимаю почему. Теперь, наконец став мамой, я могу судить, насколько с появлением ребёнка меняется жизнь. Возникают такие ограничения личной свободы, с которыми не все готовы мириться.

Обычно львиная долю забот ложится на плечи женщины, мужчина же кое-как приспосабливается к грязным подгузникам, разбросанным игрушкам и ночным истерикам. Кто-то не выдерживает и уходит, кто-то терпит и остаётся, а некоторые даже активно включаются в нелёгкий процесс. В любом случае, родители берут на себя то, что современному западному человеку кажется обременительным.

Но есть люди, привыкшие жить только ради самих себя, ведомые личными удовольствиями и увлечениями, будь то работа, капоэйра или просто лежание на диване. В центре их существования – они сами и их «хочу» и «не хочу», больше ничего. Поэтому дети – лишние на их празднике жизни. Конечно, мне и в голову не приходило, что мой Сергей относится к этой категории.

Может быть, если бы у нас сразу родился ребёнок, всё бы обошлось. Но вышло не так.

Сколько мы ни пытались, забеременеть у меня не получалось – ни полгода, ни год... Сначала думали, что просто нужно время. Потом я забеспокоилась и начала ходить по обследованиям, искать через знакомых проверенных врачей, сдавать бесконечные анализы...

В конце концов пришлось расстаться с местом переводчика и устроиться преподавать английский в родной институт на полставки. Платили мало, зато появилось свободное время.

С того момента хождение по врачам стало моей основной работой. Оказалось, что у меня какой-то редкий случай – небольшие шансы есть, но лечиться нужно долго и сложно: то ложиться на обследования, то колоть витамины, то принимать гомеопатически препараты... Самое ужасное, что врачи говорили разные вещи, и я уже ничего не понимала и по инерции исполняла указания, которые зачастую противоречили друг другу, а что ещё оставалось?

Мучения продолжались несколько лет, и иногда меня одолевало такое отчаяние, что хотелось закрыть глаза и никогда не просыпаться...

Я спрашивала себя, за что я наказана таким жестоким образом: почему меня лишили самого главного, что я хотела в этой жизни? Я согласилась бы на бедность, потерю молодости и красоты, другие неизлечимые болезни, что угодно – лишь бы стать матерью... От этих переживаний я, и так совсем не полная, вообще перестала есть и превратилась в тень самой себя.

Мужу тоже волей-неволей пришлось обследоваться, хоть он и тянул до последнего и не хотел отпрашиваться с работы. Для него весь этот процесс – осмотры, анализы, беседы с докторами – был даже не неприятным, а унижительным. Он считал, что «женские дела» касаются только меня и что он не должен ни с кем обсуждать свою интимную жизнь. Впрочем, меня это не удивляло: он всегда был достаточно сдержан и никогда не вступал в разговоры о наших отношениях. Но мужчинам это свойственно, не так ли?

Тогда нам обоим уже было больше тридцати пяти, и единственной надеждой оставалось ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение: когда в женский организм подсаживают уже готовые эмбрионы. Естественно, для их получения необходимо участие мужа.

И вот тут-то и случился этот удар. Когда нам вдруг совершенно неожиданно дали квоту – почти на год раньше, чем обещали, – я была вне себя от счастья. Платно Сергей делать отказался: действительно, тогда это стоило очень дорого, а мы ещё не до конца отдали долги за квартиру.

Едва узнав про нашу сказочную удачу, я не удержалась и тут же, стоя на январском морозе посреди улицы, стала звонить Сергею. Однако он с ходу прервал меня: «Лучше поговорим

дома». Я знала, как он не любит, чтобы его отвлекали на работе. Но что-то в его голосе уже тогда мне не понравилось.

Даже сейчас, спустя много лет, больно вспоминать об этом разговоре, как топором обрубившем все мои надежды...

Сидя за столом на нашей любимой кухне, оформленной в модном тогда прованском стиле, я, не веря своим ушам, слушала мужа, который говорил нечто невероятное – как будто не на русском, а каком-то другом, не знакомом мне языке:

– Ир, я понимаю, ты уже настроилась, я знаю – справки там всякие собирала, анализы... Я тоже ходил по врачам... Я всё знаю. Но думаю, не надо нам этого делать.

– В каком смысле? Не делать... Что не делать? ЭКО?

– Послушай, я давно уже об этом думаю – зачем мы это вообще затеяли? Это твоё ЭКО – кот в мешке.

– Почему кот?

– Ну ты же умная девушка! Это ведь не аппендицит, это новая, сложная операция, их у нас делают всего лет десять, или сколько?

Сергей говорил, что ЭКО может иметь непредсказуемые последствия: вдруг из-за гормональной стимуляции я потолстею на тридцать кило или начнут выпадать волосы? Кроме того, конечный результат далеко не гарантирован, ведь у меня особо сложный случай. Я могу просто не выносить беременность. И, наконец, может получиться двойня!

Возможность двойни Сергея пугала особенно, и я догадывалась почему. У его двоюродной сестры Лизы год назад родились двойняшки – чудеснейшие мальчик и девочка. Недавно мы ездили к ним в гости, и, пока я умилялась и пыталась нянчиться с ними, Сергея втянули в бесконечный разговор про колики, памперсы и детское косоглазие. Потом он всю дорогу домой бурчал, повторяя, что больше ни за какие коврижки не будет общаться с этими «помешанными мамашами», даже если это его родня.

Наконец наступил самый ужасный для меня момент. Не слушая мои слабые протесты, Сергей заявил:

– Ириш, может, ты к этому не совсем готова... Но я скажу: раз не получается само собой – зачем оно вообще? Сама подумай: нам с тобой уже не двадцать и даже не тридцать, а гораздо больше. Мы пятнадцать – нет, какое, семнадцать – лет живём вместе, и хорошо живём: квартиру купили, ездим отдыхать, я могу спокойно делать карьеру, ты домом занимаешься. А хочешь – вообще с работы уходи, ради бога! Ведь у нас и так, без всяких детей, хороший брак – ты согласна?

– Да, но, Серёж... Ведь все заводят детей – и как-то живут... И работают, и на море ездят, – пыталась я возразить, наблюдая, как Сергей достал из холодильника нарезку своей любимой мортаделлы и сделал себе бутерброд. Заранее приготовленный мной ужин стоял в холодильнике, но я не успела его разогреть, так как муж пришёл раньше обычного.

– Да ладно, ну какое море! Думаешь, дети тебе дадут на пляже полежать? Сама подумай! Ну и не все заводят. Вот Костик с Еленой...

Действительно, наши друзья, которые, кстати, сейчас уже развелись, тогда прекрасно обходились без детей. Костик – весёлый «белый воротничок» с небольшим брюшком, то и дело норовивший меня ущипнуть, – работал в инвестиционном банке и не знал, куда девать свои баснословные бонусы. Я давно подозревала, что Сергей ему завидует, но не думала, что дело в отсутствии детей.

– Ты сама видишь: отлично они живут, – говорил Сергей, дожёвывая бутерброд, пока я глотала слёзы. – На Мальдивы в пятый раз летают! То Мальдивы, то Сейшелы, то Исландия, то ещё куда... Ну ладно, Ириш, что ты, ну не плачь, пожалуйста! Да, у них нормальная, полноценная жизнь! Времени полно – на работу, хобби, друзей. Никакого стресса, пелёнок там всяких, подгузников или как их там... Плохо ли?

В тот момент мне действительно было очень плохо.

Оглядываясь назад, я понимаю, что жила иллюзиями. В каком-то смысле в браке с Сергеем у меня уже был ребёнок. Мой самоуверенный и энергичный IT-гений в быту не умел и не хотел быть самостоятельным. А я фактически сделала всё, чтобы полностью оградить его от житейских забот.

Действительно, работа была для него главным делом и увлечением: он засиживался в офисе допоздна, неделями пропадал в командировках, постоянно придумывал какие-то новые проекты. Даже вечерами, едва придя домой, бежал включать компьютер и часами разбирал эти малюсенькие цифры и буквы, для меня бывшие полной абракадаброй.

Я же всегда старалась прийти домой пораньше. Готовила, убирала, стирала, ходила по магазинам. Следила, чтобы всегда было много тщательно выглаженных рубашек. Аккуратно раскладывала вещи по полкам – так, как удобно мужу, – наводила порядок на письменном столе, разбирала и оплачивала счета. Конечно, готовила только то, что ему нравилось: освоила лазанью, паэлью, тирамису и даже до сих пор могу на память, без рецепта, приготовить мохито!

Дошло до того, что я сковородки и кастрюли стала отмывать так, как он любил, – до блеска и с обеих сторон. Ведь Сергей не терпел, чтобы обратная сторона кастрюли была «загаженной». Не только посуда, а всё в квартире должно быть идеально чистым и красивым, и только так. Впрочем, тогда я тоже так считала.

Да что там глажка и готовка! Я знала с точностью маньяка, в какое время у мужа совещание, где он мог забыть телефон, кого из друзей пригласить на день рождения, а кого не приглашать... Записывала его к врачам и в фитнес-клуб, бронировала отели, собирала чемодан в командировку, вместо него навещала его родственников...

Многие скажут: «Ну и что такого? Да все так делают!» Конечно, я не считала себя домашней рабой. Более того, я много лет делала всё это с удовольствием, ради комфорта своего мужчины. Да и нас было всего двое, и это не казалось сложным.

Но, желая быть идеальной женой для своего Сергея, я пошла ещё дальше...

Когда мы в далёких девяностых поселились у моих родителей, первое, что сделали, – продали моё пианино. Действительно, выхода не было: в моей бывшей детской никак не хотели помещаться большой диван, шкаф и письменный стол, а другого места в квартире для громоздкого инструмента не нашлось. Пришлось, скрепя сердце, отдать за копейки любимого «Циммермана», которого отец в своё время с таким трудом достал через знакомых...

Я чуть не плакала. Когда-то я делала большие успехи в музыкальной школе: моя преподавательница готовила меня к поступлению в училище, а я втайне уже мечтала о консерватории. Но мама пришла в ужас от этих планов, заявив, что не позволит дочери быть «нищей пианисткой».

Под давлением родителей выбрав иняз, я всё же не забросила музыку и в редкие свободные часы любила разбирать что-нибудь из Шопена, Бетховена, Чайковского. Мой самый любимый композитор – Сергей Рахманинов: его сложную, полную тонкой гармонии музыку я не всегда могла исполнить сама, но готова была слушать до бесконечности...

Закрыв дверь за уносившими пианино грузчиками, Сергей сказал:

– Ну, хоть соседи вздохнут с облегчением! – но потом, глядя на мой понурый вид, добавил: – Ладно, Ириш, не горюй! Когда своя квартира будет, купим тебе синтезатор!

Про синтезатор в конечном итоге не вспоминали – не до того. А я, пока мы с мужем жили у родителей, ещё долго ходила музицировать в свою школу: моя бывшая учительница разрешала иногда пользоваться её инструментом.

В то время, правда, у нас с мужем ещё были общие увлечения: прогулки, походы, кино. В девяностые, еще молодожёнами, мы особенно любили горные лыжи – с друзьями и вдвоём

объездили все доступные нам курорты: Красную Поляну, Домбай, Приэльбрусье, Карпаты. Это ни с чем не сравнимое удовольствие – вместе спускаться по крутым склонам, стремительно рассекая снег и ледяной ветер! Я благодарна Сергею за то, что он открыл для меня этот фантастический горный мир... Но всё это закончилось, когда у мужа неожиданно обнаружилась грыжа позвоночника – лыжи оказались под запретом.

Теперь наш спорт плавно переместился в тёмный и душный фитнес-клуб, куда я поневоле сопровождала мужа каждую субботу. Это стало частью нашей жизни, когда мы уже переехали от родителей и стали жить «своим домом», – и как-то постепенно поменялось всё...

В театр и кино ходить практически перестали: Сергей говорил, что лучше совершенно бесплатно поспит дома. А уж заставить его пойти на концерт классической музыки было вообще невозможно, он её не понимал и не любил.

Зато прогулки сменились путешествиями: теперь мы позволяли себе не только Сочи, но и за границу. Правда, Сергей, уставший от работы, постоянно выбирал пляжный отдых: Турцию, Кипр, Болгарию. Я же стремилась в Италию и Францию, но мужа это не интересовало. Впрочем, однажды, наслушавшись восторженных рассказов друзей, он почти согласился на Венецию, но как-то не получилось, кажется, наложилась очередная командировка.

Клаудия Шиффер – когда-то, в начале девяностых, мой муж называл меня именно так. И мне льстило, что он так гордится моей внешностью.

Когда мы только познакомились, я была типичной девочкой-отличницей: светло-русые волосы, чёлка, аккуратный хвостик. Сергей настоял, чтобы я перекрасилась в «блонд» и распустила волосы по плечам, как тогда было модно. Мне подошло и понравилось, и двадцать с лишним лет я оставалась «платиновой блондинкой», не смея нарушить подсказанный мне образ.

Моя худоба, которой я сама немного стеснялась, тоже составляла предмет его гордости: он боялся, что я «запущу себя», поэтому лишний раз не заказывал мне десерт и нещадно гнал в спортзал. Впрочем, к себе он подчас относился не менее строго.

Подбирая вещи в магазине, я всегда ловила себя на мысли: а Сергей эту юбку одобрит? А эти сапоги? Мужу особенно нравилось, когда я носила платье-футляры и туфли на высоком каблуке, хотя они делали меня, и так высокую, просто дылдой. Что ж, я охотно закупалась всем этим в распродажи, чтоб не слишком обременять семейный бюджет. И до сих пор терпеть не могу эти пыльные примерочные...

Но в одном пункте, касающемся моей внешности, мы не сошлись. Это были ногти. Звучит забавно, но это так. Муж настаивал, чтобы я делала изящный маникюр, ставил в пример других женщин: «Смотри, у Наташки какие ногти ухоженные!». Особенно он расхваливал «френч» – неброско и элегантно, но на худой конец был согласен и на классический ярко-красный маникюр. Однако я быстро поняла: либо ухоженные руки, либо ежедневная уборка и готовка – что-то одно, и постаралась донести это до Сергея. В конце концов он сдался и выбрал обустроенный быт: борщи и глаженные рубашки оказались важнее.

Конечно, это может показаться мелочным – заикливаться на каких-то прихотях мужа, которые нормальные жены терпят годами. Но это ещё не всё.

Изменился мой круг общения. Мы постоянно ездили куда-то с друзьями Сергея: в походы, на море, на дачу. Мне это нравилось, но эти люди по-настоящему близкими мне не стали. А своих институтских приятельниц я быстро забросила: у многих родились дети, и Сергею казалось скучным общаться с «этими мамашами». Из подруг осталась одна только Наташа Иванова, моя одноклассница, у которой тоже не сложилось с детьми.

Но даже отсутствие друзей не самое страшное. Я боялась себе в этом признаться, но иногда мне даже казалось, что я – уже не совсем я. Я вдруг стала осознавать, что начинаю

думать и говорить так, как Сергей – вернее, так, как он ожидал от меня. Привыкнув слушаться его во всём, я как будто постепенно впитала его жизненную философию, загнав глубоко внутрь собственные принципы и представления.

Однажды, когда мы возвращались из Турции, Сергей довольно некрасиво повел себя в аэропорту: не пропустил маму с плачущим ребёнком, просившую уступить нам очередь. Я стояла рядом, и мне казалось естественным пойти им навстречу, но я смолчала, а потом долго корила себя за это... Таких моментов становилось всё больше и больше, и это начинало давить на меня, но я отгоняла сомнения прочь, как назойливых мух.

В то далёкое время ничего не могло поколебать мою безусловную любовь к мужу: наша семейная жизнь, в которой, как я надеялась, вот-вот должен был появиться ребёнок, поглотила меня полностью.

В глазах других Сергей всегда был образцовым супругом. Да, надо отдать ему должное: он хорошо зарабатывал, покупал мне цветы и дорогие украшения, оплачивал кое-какие расходы моих родителей— всё это я ценила.

Мой муж действительно вполне нормальный, воспитанный в лучших советских традициях мужчина – не хуже, а даже лучше большинства моих знакомых. Просто в какой-то момент он для себя решил, что в нашей жизни ребёнок был бы лишним, – я не знаю, как и когда это произошло. Возможно, за все эти годы он привык к этой ситуации, и его всё устраивало. Но открыто в этом признаться, конечно, не осмеливался, а может, не считал нужным, о – до того самого рокового разговора...

После истории с ЭКО я долго приходила в себя. Сначала просто лежала в постели: не хотелось ничего. Потом ходила к психологу, пропила курс антидепрессантов, искала какие-то занятия, чтобы отвлечься.

Если бы я могла возобновить игру на фортепиано... Но увы, синтезатор мы так и не купили, а найти инструмент около дома не получилось. Теперь меня спасало чтение, из привычки ставшее пристрастием. Я перетащила к себе практически всю родительскую библиотеку, купленную ещё по советской подписке, и часами погружалась в переживания других, забывая собственные...

Тогда я в полной мере поняла, что депрессия – не каприз и не «модный диагноз». Это болезнь. Я проболела всё это время, не чувствуя вкуса пищи, не радуясь солнцу и не испытывая никаких желаний. Даже ради Сергея я не могла притвориться счастливой, как бы ни хотела.

В том, что произошло, я винила только себя: ведь это я не могу иметь детей, а не мой муж! Почему он должен страдать из-за моих проблем? Конечно, все эти годы я была так поглощена обследованиями, что уделяла ему недостаточно внимания, а ведь он так в нём нуждался! Иногда после бесед с психологом у меня появлялись мысли о том, что, возможно, в нашем браке что-то не так. Но я убедила себя, что это не вина Сергея, а только последствия моих медицинских мытарств. Я искренне верила, что главное в моей жизни – муж, пусть даже он не хочет идти на жертвы ради детей.

Я видела, что Сергей тоже переживал и даже слегка ошарашен тем, что произошло: теперь я могла часами лежать на кровати с книгой, забросив домашние дела и не реагируя ни на какие замечания. Он был так этим поражён, что начал мыть за собой посуду и даже пару раз пробовал убратся в квартире.

Однажды вечером, когда я, как всегда, лежала на диване с томиком Тургенева или Гончарова – в тот день не было занятий в институте, – муж пришёл домой раньше обычного. Мне торжественно вручили букет моих любимых чайных роз. Но это ещё не всё – Сергей решил сделать мне царский сюрприз:

– У нас полчаса – одевайся, едем в консерваторию! Я на Мацуева билеты купил! Может, направишься по такому случаю? Ириш, ну, ради меня!

Действительно, в тот вечер мы попали на прекрасный концерт и сидели на дорогих местах. Но, слушая Прокофьева и Чайковского, я постоянно ловила себя на мысли, что ни Сергей, ни я сама не получаем от этого удовольствия. Я чувствовала себя виноватой: муж ради меня пересилил свою нелюбовь к музыке! Тогда, где-то в глубине души, я начала надеяться, что, быть может, он когда-нибудь изменит и своё отношение к нашей бездетности...

Оправившись от депрессии, я со всей ясностью осознала: что бы со мной ни делали, от мечты о ребёнке я отказаться не могу. Это сидело внутри меня и не давало мне жить.

Один вид из окна на наш зелёный двор, кипевший детскими ордами, приводил меня в слёзы. Я перестала подходить к окну. Но спрятаться от детей стало невозможно: в Москве наблюдался настоящий бэби-бум. Казалось, они везде: в ресторанах, кино, торговых центрах, во взрослых поликлиниках! Я просто не могла смотреть на это, зная, что счастье материнства проходит мимо меня.

Из последних сил я предприняла ещё одну попытку. Теперь, после отказа от ЭКО, единственным вариантом оставалось усыновление или опека. Это требовало определённых усилий, но казалось абсолютно реальным. По телевизору постоянно показывали передачи: сколько детей в детдомах ждут своих родителей! Конечно, это будет не наш ребёнок биологически, но ведь мы его воспитаем!

В моей голове всё сложилось в готовую историю успеха, разработанную до мелочей: что делать, куда обращаться, какого ребёнка искать. Я провела часы в поисках информации, исследуя все тонкости этой процедуры.

Какой же наивной я была, думая, что, отказавшись от уникального шанса иметь собственного, биологически родного ребёнка, муж вдруг согласится на чужого!

Я потихоньку стала заговаривать с Сергеем об усыновлении – сначала осторожно, потом более откровенно: показывала специализированные сайты, предлагала съездить на разведку в детский дом. Сергей, помня об истории с ЭКО, не вступал в споры – больше отмалчивался или отшучивался, и даже пару раз посмотрел со мной ролики из «Пока все дома».

И тут неожиданно на меня обрушились наши родители: и свекровь, и моя собственная мама. В ход шли самые разные аргументы: «А если это ребёнок алкоголиков?», «Они все больные!», «Один приёмный мальчик зарезал своих родителей!». Последним аккордом стал звонок свекрови, которая сказала, что «батюшка усыновлять не советовал». Наверное, это она перепутала с ЭКО, но не важно.

Но главное, Сергей, сколько я ни пыталась, не хотел всерьёз обсуждать приёмного ребёнка. Как-то, придя с работы, он чуть не с порога заявил:

– Знаешь, я вот что думаю: тебе – да и мне – неплохо бы сменить обстановку. Ириш, правда, на тебя смотреть страшно, так ты исхудала! Надо как следует отдохнуть! Давай на Мальдивы в этом году слетаем, а? Я узнал, там есть спецпредложение, как раз в мой отпуск. Мы же давно хотели...

– Я не хотела. И я не устала совсем, честное слово...

– Ну, не хочешь – ладно. Согласен на Италию, Испанию или куда тебе ещё хочется. Выбери!

Но в тот момент мне действительно не хотелось ничего – ни Парижа, ни Рима, ни Венеции... Тем летом мы, как обычно, поехали в Турцию.

Глава третья. Защитник

Недавно мы с Полом из городка, где жили в доме его друга, перебрались в Сан-Франциско. Наверно, логичнее было поселиться поближе к Кремниевой долине – ведь там живут многие клиенты и приятели Пола. Но мы всё-таки выбрали Сан-Франциско. Вернее, Пол выбрал Сан-Франциско ради меня: я хотела жить именно там. Не потому, что там очень красиво: эти холмы с их фантастическими видами и теперь сняты мне по ночам. Да, там действительно потрясающе, но в Калифорнии много красивых мест.

Главное, что Сан-Франциско – не пригород, не посёлок, не городишко. Это именно город – большой город, где есть парки, музеи, трамваи, метро и даже концертные залы! И тротуары, по которым ходят, и пешеходы, и уличные фестивали! И, кстати, немало бездомных и мусора на улицах. Но всё равно городская жизнь для меня сейчас как глоток свежего воздуха.

Пол арендовал небольшую квартирку на первом (а по-нашему втором) этаже, хозяйка которой живут прямо над нами. Квартирка самая обыкновенная, но мне нравится район – Ричмонд. Когда-то здесь жила находилась солидная русская община, но теперь от её пребывания осталось немного: кажется, только церковь да пара русских кафе. Одно из них теперь уже закрылось. Но тогда я первым делом повела Пола именно туда – ему очень хотелось попробовать что-нибудь русское. И он немного разочаровался, что ничего особенного не обнаружил: равиоли с мясом, блины с лососевой икрой, мясо на гриле. Разве что борщ его немного удивил.

Надо сказать, что дома я практически не готовлю. Пол сам настоял, чтобы я этого не делала: он готовит сам, и неплохо. У него какая-то особая диета: в основном овощи и крупы, иногда мясо и рыба. Я в это не очень вникаю, но ем с удовольствием.

Я стараюсь побольше гулять, знакомиться с городом, ищу работу – в общем, прихожу в себя. Правда, у меня и сейчас хватает неприятностей: я пытаюсь развестись. Оказалось, что в нашем с Сергеем случае можно это сделать за границей: у нас нет ни детей, ни, фактически, общей собственности. В Сан-Франциско есть консульство, где можно оформить развод, но для этого нужно согласие мужа. А он не торопится его давать... Но я опять забегаю вперед.

Когда мы с Сергеем приехали в Калифорнию, мне уже исполнилось сорок. Тогда я думала, что между мной и мужем всё наладилось. Я как-то успокоилась, смирилась, что ли. Но не совсем.

Когда мы немного обустроились в нашей калифорнийской деревне, я опять взялась за своё. Узнав, что могу по моей страховке пройти новые обследования, я стала опять ездить по врачам. Меня это увлекло: появилось общение, освоила новые термины и даже снова замаячила хоть небольшая, но надежда.

Я всё-таки думала, что, если чудесным образом забеременею сама, Сергей не станет возражать. Он поначалу обследованиям не препятствовал – понимал, что мне нужно какое-то занятие.

Американские врачи, как и их русские коллеги, меня не особо обнадеживали: тоже говорили об ЭКО и предлагали привести мужа, но об этом не могло быть и речи...

В какой-то момент выяснилось, что для дальнейшего лечения – а мне назначили кое-какие процедуры, – моей страховки, оплаченной фирмой мужа, недостаточно и нужно доплачивать из своего кармана. Сергей без особого энтузиазма перевёл мне деньги на счёт.

Надо сказать, что в Америке я оказалась полностью на его содержании, ведь до этого в России худо-бедно зарабатывала сама. А тут приходилось просить у мужа не просто деньги, а много денег: то, что в Москве стоило тысячи рублей, здесь тоже измерялось тысячами, но уже долларов. И это очень, очень не нравилось Сергею.

Как-то вечером муж прямо заявил, что больше денег на обследования не даст. Он говорил, как обычно, спокойно и уверенно, но в его голосе появились новые, раздражённые нотки:

– Знаешь, Ир, всё, хватит: надо с этим кончать. Тебе ещё в России сказали, что шансов нет. Ну или очень мало. Это не моя вина, ведь так? Получается, что мы фактически швыряем деньги на ветер! Я зарабатываю не так много, ты же видишь, здесь не Москва – цены другие. Может, тебе заняться чем-нибудь ещё, не таким затратным? Фитнесом, что ли...

Действительно, местные расходы: аренда двух машин, высокая плата за дом – здорово напрягали Сергея, экономившего на всём и мечтавшего войти в долю владения фирмой шефа. Мне он этого не говорил, но, видимо, тогда, в Москве, он явно переоценил цифру зарплаты, которую ему предложили. Теперь ему очень хотелось поскорее дослужиться до более выгодной позиции, и все усилия он направлял на это: всячески стремился угодить начальнику и стать, как говорится, его правой рукой.

Я тогда ничего не сказала. Вообще ничего.

В ту ночь, лёжа в постели, как всегда, не могла заснуть. Вспоминался один московский вечер за полгода до нашего отъезда. Дело было у моей тёти Анюты на Чистых прудах. Мне всегда нравилось, когда мы нашей дружной семейной компанией собирались у неё в сталинской квартире с высокими полотками за большим раздвижным столом. Тётя любила музыку, и я всегда пользовалась возможностью сыграть что-нибудь на её старом немецком пианино.

В тот далёкий московский вечер мы обсуждали предстоящую командировку. Все хвалили Сергея и радовались его карьерным перспективам.

Мой муж, обычно немногословный в родственных компаниях, неожиданно разговорился. Он подробно рассказывал про новое место и своего бывшего начальника, Андрона, переехавшего в США десять лет назад. Ему льстило, что через столько лет шеф, запустивший стартап, вспомнил про него и решил переманить к себе. Никогда ещё ему не предлагали ничего подобного на таких выгодных условиях. Конечно, говорил он, я вряд ли могу быстро найти там работу, но с его заплатай и деньгами от сдачи нашей московской квартиры мы справимся. А потом, если его карьера пойдёт в гору, кто знает, может, будут и другие возможности. К примеру, другой его коллега...

И тут мой отец, во время этой тирады молча потягивавший принесённый нами виски, вдруг выпалил, глядя Сергею в глаза:

– А Ирка что там будет делать, а? Тебе это надо, а не ей! Что – нет? Ты там в своём этом стартапе, или как его, а она кем будет? Домохозяйкой? Здорово придумал!

И даже стукнул по столу кулаком, так что моя тётя невольно вскрикнула, опасаясь утраты многочисленных рюмок. Сергея слегка передёрнуло, но он улыбнулся и попытался обратить всё в шутку:

– Да все мечтают стать такими калифорнийскими домохозяйками. Да, Ир? Борис Иванович, вот я уверен, вы сами в Кремниевую долину переехать захотите – с вашей-то технической подготовкой мы вам место найдём! Может, ещё виски? Или водочки?

К Сергею тут же подключились мои тёти и мама:

– Боречка, Ирочка же преподаватель английского, ей будет интересно! Она ведь только в Англию ездила, да и то ещё в институте!

– Это же Америка – такой шанс, разве можно его упускать! Здесь, у нас, что хорошего? С нашими-то властями...

– А какой там климат – ведь это же рай! После нашей зимы, да ещё с этими реагентами...

Отец, хмуро слушая женский галдёж, демонстративно отодвинул от себя виски и уже собирался что-то ответить, но тут моя тётя Валя – сама непосредственность – наступила-таки на мою больную мозоль:

– Ну, Боречка, что ты так разошёлся! В Америке хорошие врачи, может, там у Ирочки родить наконец получится. Там все рожают! Вот Жанна Фриске. . . .

Это перешло все границы. Не дожидаясь горячего, я, несмотря на протесты и уговоры, вышла в коридор и стала одеваться. Сергей, рассчитывавший на вкусные блюда моей тётки, нехотя встал из-за стола и, извинившись, пошёл за мной.

Мы шли по Чистопрудному бульвару, рука об руку. Слегка моросил дождь, под ногами хлюпала первая слякоть. Я тихонько утирала слёзы. У памятника Грибоедову Сергей вдруг остановился, притянул меня к себе и, глядя в мои заплаканные глаза, сказал:

– Ириша, солнышко. . . Я тебя очень прошу: давай закроем страницу! Ты же умница у меня, да? Переедем в Америку – и всё, не будем к этому всему возвращаться. Начнём новую жизнь! Ну, я люблю тебя. . . Не плачь! Хорошо?

Он поцеловал меня, и мы, держась за руки, стали спускаться в метро. Я уже чувствовала себя лучше: муж был со мной, это главное. Но папины слова ещё долго не выходили у меня из головы.

Когда Сергей отказал в финансировании моих обследований в Америке и вообще стал давать мне деньги с осторожностью, я всерьёз задумалась о работе. К счастью, грин-карта у меня уже была. Сергей был не против, чтобы я куда-нибудь устроилась, правда, настаивал, чтобы работала не на полную ставку. Но я рассматривала все варианты – лишь бы уехать из дома и отвлечься. Ведь отказаться можно всегда.

Конечно, я не могла вот так сразу рассчитывать на какую-то хорошую должность, а официанткой или продавщицей идти не хотелось. Но я с радостью погрузилась в процесс поиска, и меня это здорово встряхнуло.

К удовольствию Сергея, наконец-то привела себя в порядок: из-за местной жары я давно уже перестала краситься и сменила платья-футляры на более уместные шорты с футболкой. Теперь же, купив лёгких брючных костюмов и водостойкой косметики, я опять была при полном параде.

Поиск работы продвигался медленно, возможно, потому что острой необходимости обеспечить себя у меня не было. К тому же, этот процесс оказался довольно непривычным, не похожим на те собеседования, которые я когда-то проходила в Москве. Здесь всё происходило жёстче и циничнее, хотя, наверное, честнее. Могли, к примеру, почти сразу сказать: «Вы нам не подходите. Спасибо, до свидания!» Или задать какой-нибудь каверзный вопрос: «А как вы относитесь к трансгендерам?».

Предложения, что мне подходили, лежали в основном в коммерции – распространителями каких-то товаров или услуг, – но меня это абсолютно не привлекало. Другими вариантами были вакансии девушек на ресепшен, и тут меня уже в двух местах охотно взяли, но из-за неудобного графика и недовольства мужа я отказалась.

Конечно, хотелось бы пробиться в какую-нибудь компанию Кремниевой долины, но, увы, моя квалификация лингвиста там мало кого интересовала. Иногда требовался испанский, а мой французский, добросовестно изученный в институте и не до конца забытый, был не нужен. Дни шли, собеседования следовали одно за другим, а результат отсутствовал. Но я не отчаивалась и продолжала рассылать резюме.

Однажды, в конце мая, я долго ждала собеседования в офисе одной IT-компании, искавшей секретаря в отдел продаж. Сидя на жёсткой деревянной скамье, заменивший диван в знак приверженности владельцев фирмы эко-дизайну, я уже жалела зря потраченное на дорогу время. Конечно, я была уверена, что потерплю очередное фиаско.

В подтверждение моих мыслей вскоре выяснилось, что и само собеседование отменили: тот, кто должен был меня интервьюировать, неожиданно заболел. После миллиона извинений

девушки на ресепшен предложили мне прийти в другой день. Мы обменялись дежурными улыбками, и я уже направлялась к выходу, но тут случился небольшой казус.

Прямо из распашной стеклянной двери на меня налетел какой-то долговязый рыжий тип, на ходу читавший планшет, и буквально сбил меня с ног. Меня здорово потрянуло, показалось, что я подвернула ногу. Рыжий незнакомец бросился извиняться и усадил меня на ту же самую скамейку. Девушки с ресепшен тоже прибежали и стали предлагать помощь: может, отвезти меня к врачу? Но в этом не было необходимости.

Я быстро пришла в себя и, выпив принесённый незнакомцем стакан воды, решила посидеть, перевести дух. А он устроился рядом и не думал уходить. Казалось, он был поражён инцидентом и так переживал за меня, что готов был бросить собственные дела и сидеть со мной до бесконечности. «Может, боится, что я подам в суд?» – подумала я.

Он как будто прочитал мои мысли и представился:

– Меня зовут Пол Маккарти. Кстати, я адвокат. Если захотите подать на меня иск, я к вашим услугам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.